

Пшеничное зерно

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ДЖЕЙМС НГУГИ

Кения

СЕГОДНЯ ни толпа на платформе, ни поезд не радовали Каранджу. Глаза его тщательно искали Мумби в бурлящей толпе.

Как и обычно, девушки разрядились в пух и прах. По платью можно было определить, кто с какого холма. В Ндейе и на дальних холмах считались модными ярко-голубые, зеленые и желтые ситцевые платья, обнажавшие левое плечо, а на правом схваченные сложным узлом в виде цветка. Узенькие пояса едва не лопались на грузных талиях, а концы их болтались из стороны в сторону, когда девушки прогуливались вдоль платформы, пересмеиваясь с мужчинами. Девушки из Табаи, Кихинго и Нгеки одеты были в полотняные платья, какие года два-три назад носили в Найроби.

Мужчины выглядели скромнее. Штаны — мешком, с дырами на коленях, затертые пиджаки с чужого плеча приобретены в рунгейских лавчонках, торгующих старьем. Но все это несколько не смущало парней. Они небрежно и высокомерно рассказывали по перрону.

Каранджа стоял в стороне от этой колышущейся массы. Он не мог в себя прийти от горького изумления. Никогда он не считал Гиконью серьезным соперником — тупой, неостроумный, не знает, как держать себя с девушками. И тем не менее эта скотина, а не он, Каранджа, сейчас с Мумби в лесу. Его душила ревность и бессильная злоба. А Мумби-то хороша, обвела его вокруг пальца! Он весь взмок, пока бежал, — для нее старался. А она возьми и останься в лесу с Гиконью! Что же делать? Может, сбежать, отыскать их, опозорить Мумби при всем народе, заставить в ногах у себя валяться?.. Он направился к выходу, хотя еще смутно представлял себе, что ей скажет. А что, если он застанет ее в объятиях Гиконью? Нет, этого и в мыслях допустить невозможно! Каранджа зло выругался, но ужасная картина не шла у него из головы. «Кто угодно, только не этот плотник!» — вздрагивая от омерзения,

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 3—7 за 1989 год.

взмолился Каранджа. Скорее небо упадет на землю, разверзнется бездна и начнется светопреставление...

Нет, в самом деле, надо же вообразить такое!.. Он старался сдержать дрожь, угловаривал себя, что между Мумби и Гиконью ничего и быть не может. Да и сам он хорош — до сих пор не объяснился с Мумби!.. Каранджа самоуверенно улыбнулся, но беспокойство все еще не покидало его.

Внезапно раздался резкий гудок, поезд тронулся. У Каранджи вдруг все поплыло перед глазами. Кто-то успел подхватить его, не дал рухнуть на каменную насыпь.

— Что с тобой, парень? Хватил лишнего?

— Не.. не знаю, — ответил Каранджа, протирая кулаком глаза. — Голова закружилась.

— Солнышко напекло. Это бывает. Пойди-ка сядь в тень, и все пройдет.

— Да мне уже лучше, — натянуто улыбнулся Каранджа и полпелся к приятелям, толпившимся вокруг Кихики. Кихика горячо говорил:

— Как было в Индии? Махатма Ганди ценою собственной жизни добился освобождения народа. Кения нуждается в таких жертвах, которые повлекут за собой перемены. Но прежде всего надо объединить народ. Один за всех, все за одного! Нужно дать клятву верности друг другу, и тогда нам удастся изменить судьбу родной земли...

К молодым людям подошли Нжери, Вамбуку и еще несколько девушек. С лиц юношей исчезла сосредоточенность, уступив место улыбкам. Разговор о политике прекратился сам собой, но слова Кихики многим запали в душу.

Только Каранджа и Кихика сохраняли серьезность. По дороге в лес на танцы ни один не проронил ни слова.

В лесу Киненье было тихо и прохладно. Веселая гурьба хлынула на поляну. Лес сразу ожил, наполнился смехом, звонкими молодыми голосами. Кто-то сунул Карандже гитару. «Сыграй!» — хором потребовали девушки. Обычно Каранджа признавал только свой инструмент, но играть он умел и к тому же был взволнован, и чужая гитара зазвучала в его руках не хуже собственной. Молодежь сразу же пустилась в пляс: первые несколько номеров музыканту полагалось исполнять бесплатно.

Кихика кружился в паре с Вамбуку. Разгоряченная звучными аккордами, она прижалась к нему, откинув назад голову, глаза ее блестели. Каранджа глядел на них и думал о Мумби. Он вспоминал, как играл для нее, для нее одной... И сегодня он так хотел, чтобы она услышала его игру! Пальцы трепетно бегали по струнам. Пусть его зов полетит над лесом, достигнет деревни, пусть услышит его Мумби!..

Каранджа играл в другой манере, нежели Гиконью. Тот накидывался на инструмент с мрачной свирепостью, точно одержимый, и в игре его была какая-то грубая сила. У Каранджи гитара звучала мягче, напевнее, она слушалась его, как рубанок плотника.

Кто-то из парней позвал Нжери танцевать, но она отказалась, рассеянно покачав головою. Взгляд ее неотступно следовал за Кихикой и Вамбуку, кружив-

шимися между величавых стволов. Под ногами танцующих шелестели опавшие листья. Казалось, что и могучие деревья раскачиваются в такт музыке. В песне Каранджа звенела страстная тоска, и люди, и деревья были околдованы ею. А он ментал лишь об одном: чтобы Мумби услышала обращенный к ней призыв. Она не сможет устоять, она пойдет за ним хоть на край света. Что у нее общего с этим простаком-плотником? И еще сильнее защемило сердце. Каранджа резко оборвал игру, и на поляну упала тишина. Но лишь на мгновение. Затем раздались хлопки и одобрительные возгласы.

Кихика и Вамбуку уединились на освещенной солнцем прогалине, укрылись от буйной ватаги танцующих, от острых глаз Нжери. Склон горы порос акацией. Внизу раскинулась долина, уходящая далеко-далеко, до самой гряды невысоких гор. Справа вставал силуэт полицейской крепости в Махи. «Вот меч, занесенный над каждой хижиной и над всей страной, — думал Кихика. — Власть белого держится на штыках. Но этому придет конец, придет!» В глазах его разгорелось пламя, боль подступала к сердцу. Он словно позабыл о девушке. Потом, опомнившись, взял ее за руку. Пусть и она посмотрит на Махи, на долину Рифт-Вэлли. Как прекрасна и как несчастна их родина!

— Железная дорога... По ней белый проник в самое сердце Кении, — задумчиво произнес он, указывая на извивающуюся по склонам ленту.

— Вечно у тебя политика на уме! — с досадой воскликнула Вамбуку, и в голосе ее были и досада, и страсть.

Вамбуку была совсем некрасивая. Но стоило ей улыбнуться, как она преображалась — точно какой-то внутренний огонь озарял лицо. Зрачки расширялись, полураскрытые губы и смуглый румянец щеки манили к себе. Девушка умела радоваться каждому дню. Ей нравился Кихика но он всегда был так поглощен своими мыслями... Когда они оставались вдвоем, она ждала, что он наконец выскажет ей то, в чем никак не решался признаться. Этот юноша был одержим одной идеей. Вамбуку полагала, что Кихику у нее отнимает злой дух. Она смело бросала вызов темным силам, надеясь сокрушить их своей пленительной женственностью. Но ей было бы легче, если бы злой дух принял обличье соперницы. Трудно воевать с таинственной и бесплотной идеей..

— Это не политика, Вамбуку. Это сама жизнь. Мужчина не может позволить, чтобы его лишили земли и свободы. Жить рабом... — Голос искажился от боли. Вамбуку со злостью высвободила руку:

— Но ведь у тебя есть земля? И земля Мбугуа тоже достанется тебе. А Рифт-Вэлли и раньше не принадлежала нашему племени, ведь верно?

— Отцовские десять акров! Да разве о них речь! Вся эта страна должна принадлежать черным. Неважно, украли ли землю у кихуйю, у укаби или же у нанди¹ — главное, что украли! У каждого белого поселенца сотни и сотни акров. А черные батрачат на них, поливают потом кофе, чай, сизаль, пшеницу — уж и пот весь высох, — а получают жалкие десять шиллингов в месяц!

Кихика размахивал руками, точно ораторствовал перед большой толпой. Вамбуку решила, что настал момент разделаться с злым духом. Она нежно пожала руку Кихики. Тот удивленно поглядел на нее.

— Не надо об этом больше, — попросила она, покая, что вновь потерпела поражение. А Кихика с восторженным пылом ответил на ее пожатие. Он

был уверен, что обрел родственную душу, способную поддержать, ободрить его. Ему хотелось сказать девушке слова признательности. В ее нежном пожатии заключалась вера в него, в его идеи, готовность следовать за ним.

— Не бросай меня! Скажи, что ты меня не бросишь, — шептала она в отчаянии.

— Никогда! — взволнованно воскликнул Кихика. Он представил себе, как заживут они с Вамбуку в мире и согласии. А когда настанет время действовать, его любящая жена встанет рядом с ним...

Вамбуку пришла в восторг, услышав ответ Кихики. Теперь злой дух оставит его, и он будет таким, как все.

Рука об руку вернулись они на поляну к танцующим. Счастьем были озарены их лица, но только это счастье каждый понимал по-своему.

* * *

Тот день никогда не изгладится из памяти Гиконьо. Томясь в концентрационном лагере, почти разуверившись, что когда-нибудь вернется домой, он ежедневно, ежедневно воскрешал в памяти мельчайшие подробности сцены в лесу, ставшей для него священной легендой о давным-давно минувших днях.

Они с Мумби поженились. Вангари, мать Гиконьо, радовалась счастью сына. Мумби стала для нее дочерью, они понимали друг друга с полуслова, делились горем и радостью. Вместе работали в поле, вместе ходили на реку за водой, стряпали в одном котле. Старуха всем сердцем привязалась к невестке. Частенько обе женщины поглядывали в сторону мастерской, прислушивались к песне плотника, аккомпанементу рубанка, и радость переполняла их.

Но вскоре Вангари и Мумби стали замечать, что Гиконьо переменялся. Лицо его стало жестче, в песнях звучал неясный вызов противнику, жажда мщения. Белый человек, прогнавший племя кихуйю с родной земли, берегись! Каранджа, Кихика и другие мужчины все чаще собирались у него в мастерской. Они пели песни, печальные и веселые, рассказывали забавные истории, но даже смеялись они теперь как-то иначе. Они реже ходили к поезду, а вместо танцев устраивали в лесу сходки. Мужчины готовились к чему-то. По ночам они сходились в укромных местах, подолгу шептались, а отправляясь по домам, задиристо смеялись и распевали воинственные песни. В сердца женщин закралась тревога. Не нравились им эти песни, они испугались за детей своих.

Над деревней нависло томительное ожидание. И вот настала ночь, когда грянул гром. Джомо Кениата и другие народные вожаки были арестованы. Губернатор Барнинг объявил, что в стране вводится чрезвычайное положение.

* * *

Прошло несколько месяцев. Мумби стояла на пороге хижины, задумчиво глядя на долину. Гиконьо куда-то отлучился, Вангари ушла на реку. Кустарник на склоне холма так разросся, что только по выюющемуся над хижинами кудрявому дымку можно было догадаться, что это обжитая земля, а не дикие заросли. Садилось солнце. Легкий ветерок шелестел сухими листьями в плетеной изгороди.

И вдруг она увидела своего братишку, Кариуки. Он шел по полю к их хижине. В груди у Мумби потеплело от нежности. Кариуки был ее любимцем. До замужества она просыпалась раньше всех, что-

¹ Кихуйю, укаби, нанди — названия населяющих Кению племен.

бы приготовить ему чай и проводить в школу, стирала и гладила его одежку. Старший брат, Кихика, был для нее воплощением ума и силы. Она восхищалась им, но слегка побаивалась. И всю сестринскую нежность изливала на Кариуки. Они часто отправлялись гулять вдвоем, и Мумби охотно выслушивала школьные новости. А когда Кариуки начинал строить рожицы, передразнивая знакомых, Мумби заливалась задорным смехом под стать подростку.

Когда мальчик подошел ближе, Мумби встрепенулась — таким озабоченным было его лицо. Свет в ее глазах погас, и она вся сжалась в ожидании безрадостных вестей.

— В чем дело, Кариуки? Дома несчастье?

— Где Гиконьо? — перебил он ее, пропустив вопрос мимо ушей и упорно отводя глаза.

— Его нет дома. Что все-таки случилось? Почему у тебя такой вид?

— Ничего особенного. Просто отец прислал — просит, чтобы вы с Гиконьо пришли.

Он все прятал от нее глаза и старался говорить как ни в чем не бывало, но голос его упал до еле слышного шопота. Мумби увидела, что он плачет.

— Кихика... О Мумби!.. Кихика ушел в лес, к партизанам... — глотая слезы, выпалил Кариуки и бросился сестре на шею. Мумби крепко прижала мальчонку к себе. У нее потемнело в глазах. А внизу все так же мирно дремала долина...

— Что же теперь будет? — вздохнула Мумби.

* * *

Было уже совсем темно, когда Вамбуку и Нжери вышли из хижины Мбугуа. Сначала обе молчали, занятые каждая своими мыслями. Вамбуку не могла забыть, как онемело слушал ее старик. И лишь когда она кончила, он поднял глаза и спросил:

— Значит, он сказал, что его место в лесу?

— Да.

— Вот втемяшилось ему в голову! Слово у меня земли мало. Хватило б и ему, и детям его, и детям его детей...

Мумби, как могла, утешала отца:

— После ареста Джомо все переменялось. Народные вожаки схвачены. Неизвестно даже, куда их увезли. Ты же знаешь, Кихика возглавлял партийную ячейку. Рано или поздно белые пронюхали бы об этом. Он должен был выбрать между тюрьмой и лесом. Вот он и ушел к партизанам.

— Да поможет ему господь! — воскликнул Мбугуа. Ванджику кивнула головой, одобряя мужа.

В хижине Вамбуку сдерживалась, но теперь дала волю слезам. Негромко всхлипывая, она сказала с горечью:

— Это все злой дух!

— Ты пойдешь к Кихике? — спросила Нжери.

— Ни за что! Я плакала, умоляла его остаться, но он вырвался из моих рук и ушел. Он и увиделся-то со мной, только чтобы попрощаться. Просил, чтобы его ждала... Ведь клялся мне, что никогда меня не бросит... И все же ушел!..

— Ты любишь его? — спросила Нжери, и в ее голосе послышалось осуждение и оттенок превосходства.

— Люблю... Вернее, люблю... Никого к себе не подпускала... Ночи напролет о нем думала. Жить без него не могла. Я надеялась его спасти. С виду он уверенный и сильный, но я-то знаю, что он слаб и беззащитен, как дитя.

— Никогда ты его не любила! Тебе просто нравилось с ним спать! — вдруг со злостью закричала Нжери. Вамбуку опешила и огрызнулась:

— Да ты никак ревнуешь!

— К тебе-то? Еще чего!

Они расстались, не сказав больше ни слова друг другу.

Нжери была невелика ростом, но, стройная и тоненькая, казалась выше, чем есть. Под этой хрупкой оболочкой таился железный характер. Она презирала женщин за их ветреность и слезливость — вот и сейчас сразу высказала Нжери свое презрение — когда на танцах в лесу возникали драки, Нжери отстаивала честь своего холма наравне с мужчинами. Парни побаивались ее.

У порога своей хижины девушка остановилась, глядя в темноту, туда, где лежал лес Киненье.

— Он там, он там, — повторяла она шепотом. И с ее губ слетели проникновенные слова: — Ты мой воин! Она не любит тебя. Не любит... — Нжери шагнула навстречу ночи, вверяя ей признание в вечной преданности любимому.

— Я приду к тебе, мой славный воин, приду! — крикнула она и бросилась в дом. Ее била дрожь. Она дала Кихике клятву, которую нельзя взять обратно.

* * *

Англичане хватили мужчин всех подряд, без разбору, и отправляли в концлагеря. Опустел перрон и полустанок. Девушки чахли в разлуке, моля бога, чтобы женихи вернулись скорее.

Настал день, когда рука белого постучала в двери дома Мумби. Она знала, что этот день придет неизбежно, как смерть, что она перед ним бессильна. И когда уводили мужа, из груди ее вырвался крик, заставивший всех содрогнуться: «Гиконьо, возвращайся!». Это был даже не крик, а вопль ужаса.

Гиконьо не боялся лагерей. Он был уверен, что это ненадолго. День избавления не за горами. Гиконьо вернется домой, свяжет оборванную нить привычной, безмятежной жизни, а на земле воцарится мир и изобилие. Все это хотелось ему сказать матери и Мумби, когда солдаты вели его к грузовику. Что бы ни делал белый человек, неотвратимо наступит день, когда вернутся в Табаи мужчины из леса и лагерей и землю огласит звонкая песня вновь обретенной свободы.

Перевед с английского
Виктор Рамзес

16 ПЛЕМЕН КЕНИИ

Десятимиллионное население Кении состоит из представителей 16 племен. Наиболее значительное из них — племя кикуйю (более 1,5 миллиона человек), самое малочисленное — сук (800 тысяч); племена луо и лухья насчитывают свыше миллиона человек каждое, комба — около миллиона. Распределено население крайне неравномерно, в восточной и центральной части страны плотность его — свыше 100 человек на квадратный километр, на севере она падает до 40 человек на 100 квадратных километров. В результате почти половина населения страны занимает лишь шесть процентов ее территории.